

И. В. Брянцева
г. Москва, Россия

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ПОСТРОЕНИИ СЮЖЕТА АЛЬТЕРНАТИВНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В наши дни феномен переписывания истории увлекает умы не только критиков и учёных, но и многих писателей, создающих в своих художественных текстах вероятностные миры, исходя из прогнозируемой цепочки исторических событий после выбранной точки расхождения с общепринятой реальной историей. Однако, в отличие от ретроспективных исторических исследований и прогнозов, альтернативно-исторические произведения также содержат в себе вторую сюжетную линию – романическую, по-разному коррелирующую со сценарием альтернативного развития истории: от тесного переплетения, поэтапно раскрывающего процесс создания новой истории, до низведения альтернативно-исторического сюжета до уровня намёков и штрихов, отражающих колорит эпохи.

На проблему личности в альтернативно-исторических художественных текстах обращали внимание многие исследователи. Теоретической основой для данного доклада послужила статья «Контрфактические исторические исследования» В. А. Нехамкина, в которой исследователь выделяет два уровня исследования альтернативной истории: персоналистский, подразумевающий изучение личностей, и событийный. На персоналистском уровне учёный выделяет следующие методы:

- продление бытия реально существовавшей исторической личности;
- пространственно-временное перемещение личности;

- приписывание реальной личности иных, ирреальных действий;
- удаление (физическое) реальной личности [1, с. 110].

На событийном уровне, в свою очередь, используются следующие способы анализа:

- удаление события;
- изменение составляющих событие элементов (субсобытий);
- изменение итога реального события;
- продление существования события во времени;
- введение в исторический процесс нового события [1, с. 110].

Важным видится и уточнение, что «указанные методы могут использоваться в альтернативной истории, как по отдельности, так и комбинированно» [1, с. 110].

В качестве материала для статьи были взяты романы «Человек в высоком замке» [2] Филипа Киндред Дика и «Как творить историю» [3] Стивена Джона Фрая, а также рассказ «Колокол поздний» [4] Стивена Винсента Бене.

Изданный в 1962 году роман «Человек в высоком замке» американского писателя Филипа Дика представляет на суд читателя обзор картины жизни Америки 1960-х годов после победы во Второй мировой войне стран Оси, иллюстрирующей возможное развитие истории после точки бифуркации – устранения с политической арены фигуры Франклина Делано Рузвельта, покушение на которого 15 февраля 1933 года авторской волей в художественной реальности произведения прошло успешно.

В диегетическом мире гибель президента Рузвельта изменила историю кардинальным образом – оставшаяся без сильного лидера в трудный час Америка не внесла серьёзный вклад в борьбу с фашистами во Второй мировой войне, что привело к печальному концу – победе стран Оси в 1947 году и распределению территорий земного шара между итальянцами, японцами и немцами. Между Германией и Японией установилось довольно зыбкое равновесие, все их отношения пронизывало недоверие и не удивительно то, что ближе к концу романа делаются намёки на Третью мировую войну. Об Италии в произведении упоминается мало, но мы узнаём, что она образовала «маленькую империю на Ближнем Востоке... Опереточный Новый Рим» [5, с. 84].

Новая цепочка развития исторических событий оказала влияние и на судьбы других исторических личностей. Нельзя не отметить то, что Ф. К. Дик в своём произведении значительно продляет жизнь видным членам нацистской партии. Их личная характеристика, доведённая до ведома читателей в виде лаконичных выдержек из сухих отчётов японского министерства иностранных дел, не может не вызывать отторжения. Мы узнаём, что Герман Вильгельм Геринг, несмотря на тяжёлую болезнь, потворствует своей склонности к излишествам, стремясь к власти для удовлетворения своего ненасытного тщеславия. Йозефу Геббельсу присущи иезуитские взгляды Средневековья с примесью германского постромантического нигилизма, ему нужна

только власть в своём чистом виде. У Адольфа Гитлера обнаружили сифилис мозга и он, разбитый сенильным парезом, доживает последние дни в санатории. Доктор Артур Зейсс-Инкварт по слухам был инициатором репрессий против завоеванных стран и народов. А лишённый эмоциональной восприимчивости Рейнхард Гейдрих, не верящий ни в Бога, ни в гуманизм, подозревается своими же соотечественниками из разведки в патологической шизофрении.

Эти люди, как рассуждает один из персонажей романа японский чиновник Нобусуке Тагоми, являются составляющими великого зла. Совершенно очевидно к тому же, что данные персонажи воплощают собой своеобразную коллекцию психически нездоровых людей, они представлены на суд читателей так, будто бы являются иллюстрационными примерами для лекции по клинической психологии. Сотрудничество с нацией под руководством подобных правителей бывшим союзникам представляется невозможным, хоть японская сторона и собирается сначала, придерживаясь концепции меньшего зла, поддержать на будущих выборах кандидатуру Гейдриха, чтобы избежать придуманного Геббельсом зловещего проекта «Одуванчик», ведущего к началу Третьей мировой войны. Однако Гейдрих, в свою очередь, связан с проектом по полному уничтожению евреев и ожидает получить полную поддержку японцев для претворения его в жизнь. Подобные идеи противоречат моральным принципам Тагоми, ведь он ещё во время войны проявлял негативное отношение к нацистскому режиму. Он сам рассказывает о своём прошлом: «Во время войны я служил в Шанхае, занимал незначительный пост в Китайском регионе, – сообщил господин Тагоми. – Там, в квартале Хоньюо, поселили евреев, интернированных Имперским правительством. Они жили на средства «Джойнта». Советник нацистского посольства в Шанхае потребовал, чтобы мы их уничтожили. Помню ответ моего начальника: «Это противоречит нашим представлениям о человечности». Требование посла было отвергнуто как варварское. На меня это произвело впечатление» [5, с. 74–75].

Не изменяя себе, он отказывается выдавать немецкой стороне еврея Фрэнка Фринка и вступает в конфронтацию с немецкими агентами. Таким образом, мы видим в романе своеобразное противостояние добра и зла, а Нобусуке Тагоми предстаёт перед нами самураем, сражающимся за правое дело. О симпатии к данному персонажу говорит и сам Ф. К. Дик в статье 1972 года, где он признаётся, что относится к Тагоми почти как к реальному человеку, и сетует: «где мистер Тагоми, главный герой романа «Человек в высоком замке»? Он бросил меня; мы оторваны друг от друга» [6].

Таким образом, в этом романе Ф. К. Дик рассматривает влияние персоналий и исторического случая на историю и призывает читателей задуматься о том, что иногда незаменимые люди всё-таки бывают.

В написанном в 1996 году романе «Как творить историю» английского писателя Стивена Джона Фрая изменение истории происходит благодаря воздействию фантастического артефакта – машины времени, изобретённой

одним из персонажей произведения. Герои художественного текста, Майкл Янг и Лео Цуккерман, стремятся создать лучший мир, в котором Адольфа Гитлера никогда не существовало. Нейтрализация этой исторической личности и становится точкой расхождения исторических событий. В данном произведении, как и в романе Ф. К. Дика «Человек в высоком замке», для построения цепочки альтернативного развития событий используется сюжетный ход физического устранения реально существующей личности. Только С. Д. Фрай идёт ещё дальше Ф. К. Дика – для устранения мешающего развитию придуманной им альтернативой истории человека, он не даёт Гитлеру даже родиться. По его задумке герои, стремясь избежать кровопролития, телепортируют экспериментальные пилюли бесплодия в пространстве и времени, чтобы растворить в колодце в Браунау-ам-Инне, родном городе Гитлера.

Однако избежать Второй мировой войны всё равно не удалось. Очнувшись в другой реальности, Майкл обнаруживает, что вмешательство в историю только ухудшило ситуацию: вместо Адольфа Гитлера немецкую нацию возглавил другой лидер – вымышленный персонаж Рудольф Глодер, обаятельный и крайне расчётливый, детально проработавший планы завоеваний. Создав с помощью еврейских учёных атомную бомбу, Германия безотлагательно стирает с лица Земли Москву и Ленинград. Впечатлённые этой террористической акцией устрашения европейские страны капитулируют и образуют под руководством Германии Единое европейское государство. Затем настает черед геноцида евреев. Однако фашисты не устраивают показательную казнь. Людей стерилизуют водой, привезённой из городка Браунау, в котором должен был родиться Гитлер. США уже долгое время находятся под угрозой ядерной войны с Германией, в стране царят милитаристские настроения.

Таким образом, если в произведении Ф. К. Дика «Человек в высоком замке» подчёркивается важность персоны Ф. Д. Рузвельта для мировой истории, то в художественном тексте С. Фрая «Как творить историю» роль личности для исторического процесса значительно снижается, демонстрируется взаимозаменяемость персоналий и непреложность возникновения исторического феномена на подготовленной для него почве.

Размышляет о взаимосвязи исторической личности и эпохи и американский писатель Стивен Винсент Бене в написанном в 1935 году рассказе «Колокол поздний». Идея произведения закодирована ещё в названии, отсылающем читателя к первым словам известного стихотворения «Элегия, написанная на сельском кладбище» английского поэта Томаса Грея. В нём поэт сочувствует посвятившим жизнь полезным трудам простолюдинам, которым было не суждено проявить себя и добиться славы и почёта. Бене, в свою очередь, обрисовывает на страницах своего стилизованного под отрывки из писем британского генерала художественного текста образ Наполеона Бонапарта, родившегося в другое время и не сумевшего оставить след в истории.

Генерал Эсткорт знакомится со смертельно больным Наполеоном во время своей оздоровительной поездки на воды в Сен-Филипп-де-Бэн в 1788 году. Отмечая неуловимую театральность его платья и походки, сначала протагонист принимает Наполеона за удалившегося на отдых южанина-актера. Однако вскоре понимает ошибочность своих суждений и сближается с ним на почве общих интересов к военной тематике. Эсткорт пишет сестре: «Приятель мой одинок безнадежно, большие его глаза выдают это обстоятельство. Он и безнадежно горд; скорая, разительная чувствительность неудачника видна в нем... <...> История его проста. Он не бандит, не педагог, но, подобно мне, отставной солдат. Майор французской королевской артиллерии, ныне уже несколько лет в отставке на половине жалованья» [7].

Через диалоги героев раскрывается неудовлетворённость Бонапарта от прожитой жизни. Имея незаурядные способности и большие амбиции, он сетует на судьбу, что ему не представилось шанса совершить великое деяние. Он воображает себя гением, способным изменить мир по своей воле: критикует действия известных военачальников, рассуждает какие меры предпринял бы, случись ему оказаться во главе французских войск в 1757 году, с ностальгией вспоминает, что присылал Британскому военному ведомству план кампании, благодаря которому генерал Вашингтон «в три недели оказался бы разбит» [7], с иронией говорит, что в детстве думал, что при удачных обстоятельствах всех своих родственников сделает королями и королевами. Находясь при смерти, на слова утешения он возражает: «Я преуспел? Бог мой! Умирать в одиночестве! Никого вокруг, не считая бесчувственного англичанина! Глупец, имей я шанс Александра, я превзошел бы его самого! А ведь пробьет час – это всего горше, Европу уже сотрясают новые роды. Родись я при Короле-Солнце, я сделался бы маршалом Франции! Родись я хотя двадцать лет назад, я бы вылепил новую Европу своими руками за полдюжины лет! Почему душа моя помещена в моем теле в проклятое сие время? Неужели ты не понимаешь, глупец? Неужели никто не понимает?» [7].

Что иронично, умирает он в день открытия Генеральных Штатов в Версале, в реальной истории приведший к началу Великой французской революции.

Подводя итоги, можно смело сказать, что исследование роли личности в построении сюжета альтернативно-исторических произведений представляет несомненный интерес. Ведь, как видно из анализа приведённых выше текстов, нередко конструирование альтернативно-исторического нарратива начинается на персоналистском уровне: автор может сократить жизнь реально существовавшей исторической личности, наоборот сделать её более долгой, полностью стереть существование человека из исторического контекста своего произведения или переместить во времени и пространстве. В отличие от традиционного исторического романа, альтернативно-историческое произведение не ставит перед писателем жёстких рамок исторических фактов и позволяет смотреть на исторические фигуры и прошедшие события более субъективно, привнося изменения на свой лад. Нельзя также обойти вниманием тот факт,

что в альтернативно-историческом художественном тексте историческим лицом может быть представлен и вымышленный персонаж. Часто важную роль в произведении играют образы протагониста и его помощников, творящих новую историю по ходу сюжета или служащих для читателя окном в изменившуюся реальность, смоделированную на основе цепочки событий, случившихся после исторической развилки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нехамкин, В. А. Контрфактические исторические исследования / В. А. Нехамкин // Историческая психология и социология истории. – 2011. – № 1. – С.102–120.
2. Dick, Ph. K. The Man in the High Castle / Ph. K. Dick. – New York : Putnam, 1962. – 240 p.
3. Fry, S. Making History / S. Fry – New York : Random House, 1996. – 380 p.
4. Benet, St. V. The Curfew Tolls / St. V. Benet. – URL: <https://gutenberg.ca/ebooks/benetsv-thirteen06-curfewtolls/benetsv-thirteen06-curfewtolls-00-h-dir/benetsv-thirteen06-curfewtolls-00-h.html> (date of access: 30.11.2022).
5. Дик, Ф. К. Человек в высоком замке / Ф. К. Дик // Игроки с Титана : [фантастические романы]. – М. : Издательство «Э», 2017. – С. 7–246.
6. Дик, Ф. К. Заметки, сделанные поздно ночью одним измождённым писателем-фантастом / Ф. К. Дик // Экзегеза. – URL: <https://predanie.ru/book/218298-ekzegeza/> (дата обращения: 30.11.2022).
7. Бене, С. В. Колокол поздний / С. В. Бене. – URL: <https://coollib.net/b/50159-stiven-vinsent-bene-kolokol-pozdnyy/read> (дата обращения: 30.11.2022).